*

Третью главу (стр. 25—40), озаглавленную «Элиминация списков» («*Eliminatio codicum descriptorum*»), Паскуали начинает с рассмотрения вопроса в историческом разрезе, и опять с имени Лахманна, которому, при его подходе к изданию рукописей, почти не приходилось иметь дело с отбором и отстранением от исследования того или иного кодекса. Но уже следующее поколение исследователей чисто логическим путем пришло к выводу, что метод Лахманна неверен, так как вполне возможно, что более новые рукописи копировались с утерянных экземпляров более древних и более достойных доверия, чем сохранившиеся экземпляры.

Непосредственно идущее за Лахманном поколение принуждено было поставить перед собой ту же задачу, которая стоит и перед нами: чтобы дать издание действительно критическое, надлежит систематически обследовать библиотеки и определить ценность каждой классической рукописи. Но эта задача не решена еще и сейчас, а тогда она была просто неразрешима. Поколение, идущее за Лахманном, признало, что большей частью было необходимо, до того как рукопись элиминировать, доказать, что она скопирована с сохранившейся более древней, но считало, что в традициях, где наряду с небольшим количеством древних кодексов существует множество более новых, было большею частью так.

Паскуали решительно отвергает это мнение, как произвольно отделяющее историю текстов от истории судьбы авторов, т. е. от истории культуры. Невероятно, чтобы от текстов, которые читались в школах нашего западного средневековья, случайно сохранились именно все те экземпляры, которые послужили образцом для более новых кодексов. Естественно, что в каждой традиции какая-то часть, и, возможно, большая, утеряна просто по небрежности. Почти то же самое можно сказать и относительно находящихся в наших библиотеках греческих рукописей, которые во множестве медленно просачивались с Востока на Запад с начала XV в. и позднее.

Паскуали приводит, далее, примеры для подтверждения своего мнения, кратко излагая историю рукописей Эсхила и Софокла и методы их изучения, а также «Поэтики» Аристотеля и «Характеров» Феофраста. Он подчеркивает большую трудность подобных исследований, требующих особой тщательности и последовательности.

В середине XIX в. было как будто окончательно доказано, что сохранившиеся в большом числе рукописи XV и XVI в. «Поэтики» Аристотеля, а также и находящаяся во Флоренции, в Риккардианской библиотеке, рукопись, датируемая XIV в. (что для византийского Востока тоже является Возрождением), представляют собою прямые или косвенные копии великолепного древнего кодекса конца X или начала XI в., хранящегося в Париже. Такое положение вполне совпадало с историей культуры: «Поэтика» Аристотеля, на которую обращали мало внимания во время византийского средневековья, получает широкое распространение в эпоху Возрождения. Но в Париже имеется также арабский перевод «Поэтики» Аристотеля, сделанный в первой половине X в. с сирийского перевода, который сохранился лишь в отрывках. Этот арабский текст, несмотря на искажения и ошибки, дает независимую и во многих случаях лучшую традицию, чем парижский кодекс. После того как арабский перевод был в 1887 г. опубликован, а в 1911 г. с него был сделан построчный латинский перевод, выяснилось, что он часто совпадает, и притом не случайно, с рукописью Риккардианской библиотеки, которая до того времени считалась восходящей к парижскому кодексу. Таким образом, это последнее предположение окончательно отпало: в Риккардианской руко-